

План мог бы не сработать, если бы дома ее ждал котенок. Или щенок. На худой конец, пятнистый геккон в стеклянном шестилитровом террариуме, втиснутом между средними полками книжного шкафа.

Был бы у нее котенок, она бы не посмела. Она бы все время думала, а как он там — без еды, без питья, взаперти. Подохнет, конечно. Но сначала оборётся вусмерть, наплачется. Жалко ей было бы котенка.

Хотя ничего такого она и не замыслила. Не надо наговаривать на себя. Она просто едет, чтобы посмотреть.

Ее «Жучок-Фольксваген» мерно перемещался по серым улицам серого мегагорода. Мимо серых домов и серых деревьев. Точнее, не серых даже, а такого стального цвета... Да, именно стального и густо запыленного. Только небо, тоже стальное, местами отливало розово-фиолетовыми ляпами — был вечер.

Голос в голове, тихий, хитровато-вкрадчивый, умолк — видимо, довольный. Он убеждал вчера, и накануне, и с утра

сегодня: «Зачем тебе туда? Даже и не думай ехать, еще шагнешь».

«А вот и поеду», – ведясь на обычное стремление всему и вся противоречить, приняла решение она.

«Смотри, не вздумай... того... не надо! – притворно встревожился голос. – Взгляни только и сразу домой!»

Но она сделала выбор, и он был разумным: предметно представить последствия шага и отрезвиться. Почувствовать отвращение к виду разбрызганных мозгов на лоснящемся рельсе и неестественно вывернутых конечностей. Она ни за что не сделает этот шаг. Она что – дура?

Она обманывала себя. Она это сделает. Легко и непринужденно. На полном, абсолютном, звонком молчании в голове. И с заливающимся радостью сердцем.

Потому что ей до тошноты мерзко. Давно уже. Мерзко-отвратительно в этой ее вселенной. Холодно. Гадко. Что Людмиле Домбровски тут делать? Нечего. Не с кем. Надоело. В здешних местах ей больше никто не нужен. И главное – тут никому не нужна она. Ты есть никчемный центр собственной реальности, Людмила Домбровски, совсем недавно бывшая Миколиной.

Местечко для поступка было прикинуто подходящее. Как для одного варианта, так и... Все, стоп. Никаких вариантов, понятно? Во-первых, ты не дура, а во-вторых, если уж собралась обмануть себя, то действуй тоньше. Посему в этом направлении

даже не мысли. Иначе вместо легкого шага получится живодерство с неясным итогом.

Людмила выехала за МКАД. Скоро появится нужный ей мост, а точнее — шестиполосная эстакада над железнодорожными путями, огороженная боковинами из бетонных плит, в одной из которых имелся пролом, не заделанный ремонтниками по безалаберности или недосмотру. Дыра была частично скрыта фонарным столбом, торчащим в явно не положенном ему месте и нарушавшим линейно-ровный строй бетонно-трубчатых собратьев.

Да и кому мешает этот пролом? Машина через него не сверзится, дыра-то узкая, полметра нет в ширину, еще и с высоким порожком. И столб раскорячился и перекрывает прямой доступ к бреши. А пешеходов на этом участке трассы не бывает. Для них даже стоящего тротуара не предусмотрено, узкая бровочка вместо него, оно и правильно. Есть маршрутки и автобусы, милости просим прокатиться. Незачем пятки бить по мосту, тут с километр будет, если не больше.

Она включила правый поворотник, плавно подводя машину ближе к бордюру. Стоянка здесь не положена, только кто запрещит, даже если и видит? К тому же она ненадолго.

Забавно, но место было занято. Ее, Людмилино, место. Пристрелянное и облюбованное. Рисовать в воображении ей ничего не придется, имеется шанс увидеть все, так сказать, вживую. Или — «вмертвую»? Как это правильно по-русски?

Девушка лет двадцати, тоненькая, чистенькая, вся такая стильно-модная, в серебристой лайковой курточке, надетой поверх джинсового платья-балахона, с сумочкой из кожи «под рептилию» и прижатым к груди бело-розовым, в кружавчиках, кульком — по всему видно, младенцем, — примеривалась выбраться на бетонный скос по ту сторону парапета. Поскольку она все время чем-то и за что-то цеплялась, процесс шел медленно и натужно.

Денежку, что ли, обронила? Достать желает?

Людмила тихонько сдала машину назад и, не захлопывая дверцы, выбралась из-за руля. Остановилась у кромки мазуто-грязевого ручейка, неровной лентой тянущегося вдоль щербатого бордюра. Девушка вздрогнула и, скосив взгляд на Людмилу, попытка ускорила.

А одежда-то на девочке что надо. В этом вопросе Люда знала толк, поскольку стиль бохо недавно стал ее излюбленным. Людмиле импонировали блузы-размахайки из тонкого шелковистого льна, просторные бесформенные кардиганы с бортами разной ширины и длины, объемные сарафаны с косым подольным срезом, шарфы-снуды и палантины.

Людкин сегодняшней прикид — старая отцовская кожанка — тоже можно было причислить к образчикам вышеупомянутого стиля. Кожанка была велика Людмиле размеров на пять, потерта в местах сгибов, а из раструбов рукавов не показывались бы даже и кончики пальцев, если бы Люда не подвернула обшлага сантиметров на десять. Под куртку она приспособила абсолютно

новую тельняшку, которую ей взбрело в голову купить третьего дня в магазине армейского обмундирования у метро «Партизанская». Ну а джинсы на ней были простые черные, и столь же обыкновенными были кроссовки, изрядно поношенные к тому же. В этом наряде Люда чувствовала себя прекрасно – упоительно горько и восхитительно свободно. Не то что девица, одетая, как на фотосессию для модного журнала. Та, что сейчас пытается обрести свободу иным путем. Помочь? А поможем.

– Тебе детеныш мешает, – спокойно проговорила Люда. – Давай подержу.

И с невозмутимым видом протянула руки в их сторону.

Девица снова взглянула на нежданную доброхотку.

Глаза у нее были... Нет, не пустые были ее глаза. Испуганные. И какие-то замороченные, что ли.

Людмила широко переступила через мазутный поток, не спеша сделала еще один шаг. Приблизившись вплотную, молча отобрала у мамыши мягкий сверток. Та почти не сопротивлялась. Кивнула, проговорила отрешенно-вяло:

– Спасибо. Я тотчас ее у вас заберу... Как только через дыру пролезу... Вы еще ближе подойдите тогда. Чтобы мне все сначала не начинать.

И отвернулась, бочком протискиваясь между неровными краями бреши. Без ребенка ей было сподручнее.

И тогда Людмила проговорила, громко и внятно, обращаясь к узенькой спине:

– Какой замечательный у вас мальчуган! Упитанный такой. Вы просто умничка, что не жалели на него корма.

– Спасибо... – растерянно отозвалась незнакомка и добавила после паузы: – Но это девочка...

– А это даже лучше, – обрадовалась Людмила. – Мальчики более жилистые. Тут мне на два полных ужина хватит. А если с картошечкой жареной и лучком, то и на четыре. И если ни с кем из тусовки не делиться. А вы сигайте, сигайте, мамаша, не тормозите.

Девушка, сообразив, о чем идет речь, раскрыла рот в немом ужасе, прижала кулачки к груди.

– Да как вы!.. Как вы смеете! Вы же просто выродок! – с отчаянием вскричала она.

– Молчи уж, – хмыкнула в ответ Людмила, укладывая спящего ребенка на заднее сиденье машины. – Лучше на себя посмотри.

Позабыв сигать с эстакады, молодая мамаша рванулась в сторону «людоедки». Девчонкины остроносые, на высокой шпильке полусапожки заскользили по мазутной грязи, ноги разъехались, и она бы шмякнулась в чавкнувшее месиво, если бы Люда не ухватила ее за плечо, с силой дернув кверху.

Без всякой злобы отвесив девчонке оплеуху – в качестве профилактики от возможной истерической реакции, – втолкнула на сиденье рядом с младенцем. Села за руль, но ехать не торопилась. Да и куда? Вопрос.

– Ты сегодня что-нибудь ела?

Девчонка ничего не ответила. Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, Людмила увидела, как она, притиснув к груди покрхтывающий, заворочавшийся атласно-кружевной тючок, тихо плачет. Слезы по ее щекам катились обильно, стремительно, а лицо было неподвижным, будто окаменевшим. Только губы кривились и слегка дрожал подбородок.

– А ребенок? Дочку ты когда кормила?

Ее пассажирка опять ничего не сказала.

– Понятно, – пробормотала Людмила, поворачивая ключ зажигания.

Значит, сначала в аптеку – за подгузниками, бутылочками, кормом, присыпками и прочим всем. Возьмем этих двоих на передержку.

В конце концов, чем эта парочка хуже щенка или котенка? Хотя с котенком, конечно, было бы проще.

В свои неполные тридцать восемь Людмила Миколина, по примеру большинства столичных сверстниц, была пропитана уверенностью в себе, обладала бойцовским оптимизмом, точно знала, чего конкретно ей хочется и как этого достичь. Она не была стервозной бизнес-леди, изматывающей персонал вечными придирками и завышенными требованиями, однако работать ей нравилось. Она фанатично впихивала, но не ради того, чтобы иметь возможность ни в чем себе не отказывать и в конечном

итоге выставляться перед друзьями – например, новой тачкой или видеоотчетом с Лазурного Берега, а из любви к процессу и для красивого результата.

С друзьями, кстати, не заладилось – у Люды были одни лишь знакомые, зато много. Естественно, никому из них она не признавалась, что является трудоголиком, дабы те не сочли ее идиоткой или лицемеркой.

Людмиле нравилось впахивать вообще. И на работе – в качестве управляющей своей крохотной фирмой, и дома – в роли хозяйки, с энтузиазмом вылизывающей квартиру и уютящей носильные вещички, свои и мужа. С готовкой она не дружила, что правда, то правда, зато сохранила фигуру, в отличие от старшей сестры, которая была фанаткой кулинарии. Теперь Галина похожа на кубышку с толстыми ножками. Ей даже пришлось отказаться от профессионального кресла с подлокотниками, поскольку те упирались Галке в бока и стесняли движения – Людкина сестра была врачом и числилась в медклинике дантистом.

И – да, имелся муж. До недавнего времени. И бизнес был. И с сестрой они раньше дружили, а теперь в ссоре.

Если по порядку, то первым номером шла ссора с Галкой. Сестра заявила, что парень по имени Чеслав, с которым Людмила собралась связать судьбу, скользкий тип и ему не стоит доверять не то что будущую жизнь, а и даже вчерашний ужин. Люда, естественно, вспыхнула. Заподозрить сестрицу в зависти она не могла, та двенадцатый год пребывала замужем, расти-

ла двух дочек и явно была счастлива со своим Трофимовым. И тогда Люда заподозрила сестру в ревнивом нежелании, чтобы и она, Людмила, также сделалась семейно-счастливой, о чем не преминула сообщить Галке в лицо. Они рассорились вдрызг, Галка даже на свадьбу к ним не пришла, хоть, переступив через амбиции, Люда ее пригласила. По просьбе Чеслава, кстати говоря. После этого ссора окрепла, получив статус хронической.

Чеслав Домбровский был хорош. Не броско-яркой красотой, а какой-то такой вкрадчивой, зато убойной. С прекрасным вкусом в одежде и отличным доходом в долларах.

Людмила искала кандидата в мужа долго и придирчиво, не желая попасть с этим делом впросак. Не через интернет, конечно же. Поначалу она делала ставку на вуз. Однако в институте ей никто подходящий не попался, хотя она стойко продержалась все пять курсов в суровом Станкине, где основной контингент состоял из будущих продвинутых технарей – мужчин, разумеется, а не девчонок. Но по поводу таковой неудачи она не переживала, имея перед глазами грустный пример школьной подруги – Кати Поздняковой, которая, выскочив замуж аж за аспиранта, быстро о том пожалела. А все потому, что влюблена была и на тот период отключила мозги.

После окончания института Людмила принялась активно посещать собрания молодых интеллектуалов, клубы ценителей импрессионизма, любителей джаза и прочие тусовки, где можно было встретить кого-то стоящего, с клеймом качества на челе

и одежде. Работа в проектном институте в поисках не помогала, так как вокруг вяло роились одни плешивые женатики в пиджаках с лоснящимися обшлагами.

Вскоре она поняла, что принцы клюют на золушек лишь в сказках, да и то при участии доброй крестной. И Люда ушла в бизнес – в малый, но свой. Дело, которым она начала заниматься, ее увлекло всерьез.

Это была выставочная компания под смешным названием «Инженерский разгуляй», сотрудник там насчитывалось всего трое – два менеджера по привлечению экспонентов плюс бухгалтер с дополнительными функциями того же менеджера. Видимая тематика экспозиции, которую они собирали дважды в год, была достаточно необычна, что обеспечивало густой поток посетителей, а ее подоплека приманивала солидных экспонентов, готовых заплатить за участие хорошие деньги.

На фоне образчиков технарского дуракаваляния, как то: ползающий ноутбук, говорящий унитаз и прочей подобной лабудени, сочиненной восторженным молодняком, корпорации демонстрировали свой основной продукт и на коммерческие результаты очередного «Инженерского разгуляя» никогда не жаловались.

Успех делает женщину удачливой и яркой. На одном из официозных мероприятий, проводимых в конгресс-центре Финансовой академии, с Людмилой познакомился будущий, теперь уже бывший, муж. К промышленникам он не имел никакого отношения, был помощником управляющего инвестиционной компанией,

и его статус вопил о себе запонками в алмазной крошке и золотой печаткой с бриллиантиками на безымянном пальце левой руки.

Она не клюнула бы на запонки, не дура, но ее заворожили предупредительность манер и грустная улыбка. К тому же помощник финансиста был весьма начитан, а его литературные пристрастия были близки ее собственным.

Интересно, как Галка его так быстро раскусила? Чеслав был безупречен.

Не прошло и полугода после свадьбы, как Людка его застукала со своей подругой. В собственной спальне и прямо на брачном одре. У нее тогда была подруга. Вернее, Людмила считала ее подругой. А оказалось, Марго – обычная стервятница, завистливая и лживая.

«Остаться при своих не так уж и плохо, ведь у меня есть моя фирма», – утешала себя Люда, запихивая чемоданы в багажник авто. Находиться далее под одной крышей с Чеславом ей совершенно не хотелось. Вернее – не могло.

Она переселилась в пустующую родительскую квартиру. С мая по ноябрь мать с отцом не вылезали с дачи, выращивали в теплице патиссоны и кабачки, а на грядках – редис, укроп и петрушку. Даже если и нагрянут неожиданно, Людмила их не стеснит. Хотя к чему им нагрянывать-то?.. Родителям нравится за городом жить – природа, воздух, то, се... Нечего им в хрущевке делать.

Промаявшись пару деньков дома под видом простуды, Людмила вернулась к руководству фирмой. Со свирепым напором